



## Деспотизм маскируется под демократию

Кеннет Росс, исполнительный директор Хьюман Райтс Вотч

Мало найдется исторических периодов, когда демократия превозносилась бы столь высоко и попиралась столь откровенно, продвигалась бы столь активно и настолько же не уважалась, была бы столь важной и вызывала такое разочарование. Сегодня демократия стала неременным условием легитимности. Редкое правительство хотело бы, чтобы его считали недемократическим. При этом правомочность претендентов не поспевает за ростом популярности демократии. В наши дни даже откровенные диктаторы стремятся обрести статус, который дает принадлежность к демократическому клубу. Преисполненные решимости не позволить каким-то там фактам помешать осуществлению их планов, эти правители достигли совершенства в демократической риторике, имеющей весьма слабое отношение к реальной практике государства.

Зачем иначе такой жесткий лидер, как президент Узбекистана Ислам Каримов, стал бы проводить выборы? К чему лишние хлопоты? Каримов стоит во главе режима, который по политическим и религиозным мотивам отправил за решетку около семи тысяч человек, практикует систематические пытки в местах содержания под стражей, и всего пару лет назад, в 2005 году, ценой сотен мирных жизней подавил протесты в Андижане. Едва ли его можно назвать демократом, и на декабрьских выборах 2007 г. у него нет реальных противников, поскольку никто не отваживается всерьез бросить ему вызов. Ему не помешал даже конституционный запрет третьего семилетнего срока.

И все же этот жестокий президент считает целесообразным соблюдение ритуала с выборами, чтобы придать легитимность своей власти. С ним, среди прочих, солидарны Роберт Мугабе в Зимбабве, Первез Мушарраф в Пакистане, Хосни Мубарак в Египте, Мелес Зенауи в Эфиопии и Владимир Путин в России.

Не остался в стороне даже Китай. Выступая в октябре 2007 г. на съезде КПК, председатель Ху Цзиньтао больше 60 раз употребил слово «демократия», призывая к ее распространению в партийной среде, что, впрочем, не мешает ему запрещать независимые политические партии, блокировать правовые инициативы, направленные на утверждение основных свобод, и ликвидировать бесчисленные гражданские организации, СМИ и интернет-сайты. Всеобщих выборов в Китае, кстати, тоже нет. О чем же он тогда говорил? Партия позволила, чтобы на 204 места в ЦК баллотировался 221 кандидат.

Технологии, которые используются такими автократами, чтобы нейтрализовать неудобную непредсказуемость демократии, нельзя не назвать креативными. Им приходится решать проблему, каким образом обеспечить соответствие демократическому имиджу, но при этом исключить малейшую вероятность подчинения общественным настроениям. Избирательные махинации, политическое насилие, цензура прессы, подавление гражданского общества, даже военное правление – все средства идут в ход, чтобы заявленная демократизация, не дай Бог, не привела к участию граждан в управлении государством.

Отчасти диктаторы могут рассчитывать на успех такой тактики потому, что в отличие от прав человека демократия не имеет юридически оформленного определения. Концепция демократии отражает великую идею о том, что лучший способ сформировать правительство и определить его курс – это предоставить решающее слово тем, кому предстоит с этим правительством жить. Как политическая система она далека от совершенства, будучи чреватой риском доминирования большинства и подверженной избыточному давлению со стороны влиятельных субъектов, но, известная с подачи Уинстона Черчилля как «лучшая из худших» форма правления, демократия является важной составляющей идеала прав человека. При этом мир не знает ни Международной конвенции о демократии, ни какого-либо другого широко ратифицированного договора, который устанавливал бы критерии для признания того или иного правительства демократическим. Слишком многое в трактовке демократии оставлено на усмотрение самого трактующего.

В отличие от этого международные нормы о правах человека признают за всеми гражданами право «принимать участие в ведении государственных дел как непосредственно, так и через посредство свободно выбранных представителей», «голосовать ... на подлинных периодических выборах, производимых на основе всеобщего и равного избирательного права при тайном голосовании и обеспечивающих свободное волеизъявление избирателей». Международные нормы признают также целый набор сопутствующих прав, которые должны считаться неотъемлемым элементом любой сколько-нибудь развитой и реальной демократии, включая права, обеспечивающие многообразное и активное гражданское общество и свободную и активную прессу, права, обеспечивающие интересы меньшинств, и права, обеспечивающие верховенство закона над волей государственных чиновников. Сильными сторонами прав человека являются их конкретность и юридически обязывающий характер. Однако права человека в глобальном масштабе оказываются в опасности, когда автократам, прикрываясь демократической маской, удается парировать критику нарушений и пользоваться привилегиями принадлежности к демократическому сообществу, не платя вступительного взноса в виде уважения основных прав и свобод. С какой стати соблюдать такие обременительные международные нормы о правах человека, когда с помощью несложных манипуляций любой тиран может выдать себя за «демократа»?

Игры с демократической риторикой сами по себе не являются новым явлением. Достаточно вспомнить теперь уже не существующую Германскую Демократическую Республику или гротескное официальное название Северной Кореи – Коре́йская Народно-Демократическая Республика. Традиционно такие оруэлловские упражнения всерьез не воспринимались. Новым и вызывающим сожаление моментом является то, с какой легкостью и безнаказанностью сегодняшним автократам удается носить демократическую маску.

Дело не в том, что демократическая риторика способствует большей легитимности автократического режима в собственной стране. Гражданам на собственном опыте известно, до какой степени выборы превращаются в фарс. В лучшем случае, можно говорить о формальном соблюдении национального законодательства о выборах. Скорее, сегодня стремление к демократической бутафории в значительной части диктуется желанием получить международное

признание, которое выборы, пусть даже самые формальные, могут обеспечить даже самому закоренелому диктатору. В силу интересов другого порядка (энергоресурсы, торговля, борьба с терроризмом) развитым демократиям мира сплошь и рядом оказывается удобным принимать на веру предлагаемые им демократически декорации.

Самым ярким примером такого рода служат США при администрации Буша-младшего. Уподобившись правительствам-нарушителям, американская администрация предпочла продвижение демократии в качестве менее обязывающей и более комфортной альтернативы защите прав человека. Положение с демократией в Соединенных Штатах все еще достаточно благополучное, в то время как по меркам прав человека практика администрации вызывает серьезную обеспокоенность. Постановка вопросов прав человека чревата отсылками к Гуантанаму, секретным тюрьмам ЦРУ, пыткам с помощью погружения в воду до грани остановки дыхания, внепроцессуальной передаче задержанных другим странам, военным комиссиям и приостановлению судебного контроля за законностью содержания под стражей. Несмотря на историю с президентскими выборами 2000 г., дискуссия о демократии оказывается более безопасной.

Отделение демократии от международных стандартов, наполняющих ее смыслом, укрепляют автократов в уверенности, что достаточно одних только выборов вне зависимости от условий, в которых они проводятся. Хорошей иллюстрацией служит реакция Буша на объявление чрезвычайного положения тогда еще генералом Мушаррафом в ноябре 2007 г. После такого фактически государственного переворота и арестов тысяч оппозиционеров Буш, тем не менее, заявил, что Мушарраф все же не «перешел черту». Американский президент едва ли мог апеллировать к правозащитной практике Мушаррафа, поэтому он объявил его «человеком, который верит в демократию», и заметил, что Пакистан находится «на пути к демократии». Но раз «путь к демократии» - в отличие от норм о правах человека – позволяет отправлять за решетку политических противников, отстранять слишком самостоятельных судей и подавлять независимую прессу, становится понятным, почему тираны во всем мире начинают всерьез задумываться о том, почему бы и им не примерить на себя демократическую мантию. Когда, не встречая серьезных возражений в

международном сообществе, этим начинают заниматься такие неоднозначные фигуры, как лидеры Египта, Эфиопии, Казахстана и Нигерии, концепция демократии выхолащивается, а о правах человека как ее составляющей уже вообще никто не вспоминает.

Ситуация осложняется тем, что попытки администрации Буша оправдать вторжение в Ирак интересами демократизации дают автократам дополнительный довод, чтобы приравнять требование демократизации к имперской политике с позиции силы. К сожалению, такая циничная уловка нередко срабатывает, поскольку значительная часть мира сегодня воспринимает любую вашингтонскую кампанию демократизации как предлог для военного вторжения или смены режима, а то и как синоним предстоящего хаоса. Диктаторы поняли, что апеллирование к иракскому прецеденту может оказаться удобным способом парировать требования демократизации. С другой стороны, правительства, которые могли бы отстаивать более содержательные формы демократии, демонстрируют сдержанность, не желая, чтобы в них видели сателлитов Вашингтона.

Другие правительства также используют формальные выборы как предлог для возобновления полноценных отношений с диктатурами, которые достойны осуждения, а не партнерства. Самым ярким примером этого служит отношение к Казахстану со стороны Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, в которую входят 56 страны Европы и Центральной Азии, а также США и Канада. В августе 2007 г. президент Нурсултан Назарбаев провел парламентские выборы, в ходе которых ОБСЕ выявила нарушения в подсчете голосов на 40% избирательных участков, где побывали ее наблюдатели. Президентская партия предсказуемо получила все места в нижней палате с официальным результатом в 88%, в то время как ни одна из оппозиционных партий официально не преодолела 7-процентный барьер. Все эти подтасовки происходили на фоне продолжающихся массовых нарушений прав человека: вещательные СМИ контролируются лояльными правительству людьми, независимые журналисты за критику президента или правительства подвергаются угрозам и притеснениям, сохраняется и продолжает применяться уголовная ответственность за клевету, активисты оппозиции рискуют оказаться за решеткой, как в случае с Алибеком

Жумбаевым, отбывающим в настоящее время пятилетний срок за оскорбление Президента.

Однако ОБСЕ вопреки всем фактам заявила, что выборы стали «шагом вперед на пути превращения Казахстана в демократическую страну». Такая наивность, как представляется, преследовала цель избежать отказа Казахстану в удовлетворении его давнего стремления первым из государств бывшего СССР стать председателем ОБСЕ. Всецело занятая вопросами энергобезопасности, эту неуместную кандидатуру поддержала Германия, выступившая в блоке с Россией. Возглавлявшие оппозицию США и Великобритания в итоге также уступили. В ноябре было принято консенсусное решение о председательстве Казахстана в 2010 г. От Астаны вместо демонстрации реального соблюдения лежащих в основе ОБСЕ стандартов демократии и прав человека потребовалось лишь обещать реформировать законодательство о СМИ и выборах и прекратить попытки подрыва правозащитного мандата Организации. Молчаливое признание такой демократии в отсутствие активных протестов со стороны правительств, которые в первую очередь должны были бы выступать гарантами, помогает авторитарным лидерам типа Назарбаева выставлять себя демократами и парировать требования более содержательных реформ в области прав человека.

Разумеется, приверженность международного сообщества делу защиты прав человека определяется не только защитой реальной демократии. Не менее важно реагирование на массовые жестокости в таких регионах, как восток Чада, Колумбия, восток Конго, эфиопская провинция Огаден, Ирак, Сомали, Шри-Ланка и суданская провинция Дарфур, а также на закрытость общества или жестокие репрессии в таких странах, как Бирма, Китай, Куба, Эритрея, Ливия, КНДР, Саудовская Аравия и Вьетнам. Все эти острые ситуации детально рассматриваются в настоящем докладе. Однако защита прав человека не должна ограничиваться только перечисленными крайностями, необходимо обращать внимание и на правительства, которые могли бы быть несколько более открытыми, но все равно прибегают к репрессивным методам, чтобы нейтрализовать любой вызов режиму. Их задача облегчается в условиях, когда соблюдение всего комплекса прав человека позволено подменять символическими реверансами в сторону демократии.

Чтобы поставить заслон таким «играм в демократию» и не допустить подмены ими соблюдения более конкретных стандартов в области прав человека, необходимо срочно восстановить демократический идеал в его полноценном значении. Это не означает одного лишь утверждения узко очерченной формы правления. Существует множество равноценных разновидностей демократии, включая пропорциональное и мажоритарное представительство; системы, основанные на сильном президенте или сильном премьере; системы где основные полномочия сосредоточены в руках исполнительной власти, и системы, которые стоят на сильном парламенте. При этом любая демократия, которая с полным правом может именоваться таковой, обладает определенными общими характерными чертами, такими как периодические состязательные выборы, проводимые на свободной и прозрачной основе с должной точностью учета результатов; наличие реального многообразия политических партий, а также независимых СМИ, организаций гражданского общества, дающих гражданам, в том числе представителям меньшинств, широкие возможности объединения для выражения своей позиции; и, наконец, наличие правовой системы, обеспечивающей верховенство закона для всех, в особенности – применительно к любым государственным чиновникам.

В 2007 г. демократия показала свою жизнеспособность, среди прочего, в Сьерра-Леоне, Ямайке, Польше и Австралии. Во всех этих странах к власти пришла оппозиция, победив на выборах, которые многими были признаны свободными и справедливыми. В Турции, когда военные попытались с помощью так называемого «email-заговора» помешать демократически избранному умеренно-исламистскому правительству провести в президенты своего функционера Абдуллу Гюля, правительство пошло на досрочные парламентские выборы, более чем убедительно подтвердив свое мандат и настояло на кандидатуре Гюля. Демократические устремления в турецком обществе возобладали.

И все же многие диктаторы не могут устоять перед искушением минимальной ценой обеспечить себе легитимность. Если бутафорские выборы могут сойти им с рук, они с готовностью идут по этому пути. Шансы на «успех» во многом зависят от бдительности развитых демократий, которые могут поставить вопрос о необходимости наличия всех аспектов, включая обеспечение широкого спектра

прав человека и законности. Быть принципиальным сторонником демократии – нелегкое дело. Это может потребовать давления на друзей-диктаторов или выступления в защиту прав, которые даже в некоторых развитых демократиях предпочитают не афишировать. Однако без такой принципиальности невозможно добиться того, чтобы продвижение демократии служило реальным инструментом обеспечения прав и свобод, а не оставалось просто очередным способом обойти международное право, прикрываясь благообразной, но пустой альтернативой.

Для восстановления полноценного идеала демократии, столь важного для прав человека и при этом столь уязвимо для манипуляций и превращения в их ложный, но обманчиво respectable заменитель, необходимо с особым вниманием относиться к изощренным уловкам оппортунистов. Ниже приводится обзор последних тенденций того, как правительства подрывают демократию, нарушая права человека, или прикрываются демократической риторикой, чтобы уйти от вопросов о правах и свободах.

Чтобы защитить демократию, нужно также учитывать некоторые ошибки последнего времени, которые снижают эффективность таких усилий. Как показано ниже, многие развитые демократии оказываются жертвами политики ставки на того или иного «демократа» в ущерб демократическим принципам, ложной посылки, что единственной альтернативой известному деспоту может быть еще больший деспот, тезиса о том, что демократия может развиваться в отрыве от наполняющих ее прав человека, или же политики «настройки» требований демократизации в зависимости от стратегической ценности того или иного претендента на членство в демократическом клубе. Если ставить вопрос о превращении продвижения демократии в полноценный действенный инструмент борьбы за права человека, этим тенденциям необходимо противостоять.

## **Риторическая эквилибристика**

Игры авторитарных лидеров в демократию нередко начинаются с жонглирования терминами и риторическими построениями, призванными доказать, что подрывающие демократию ограничения на самом деле необходимы для ее спасения. Так, в Пакистане Мушарраф ввел чрезвычайное положение, чтобы исключить признание незаконным его избрание президентом при сохранении



поста главнокомандующего тогда еще независимым Верховным судом. Несмотря на столь личный характер мотива, он утверждал, что этот фактически государственный переворот необходим для «продолжения процесса демократизации». Аналогичным образом в Бангладеш назначенное военными переходное правительство запретило любую политическую и профсоюзную деятельность и ограничило свободу прессы, и все это якобы в интересах подготовки честных общенациональных выборов.

Многие репрессивные лидеры пытаются по-своему определять демократию, добавляя разрушительное уточнение или антагонистическое определение. Президент Владимир Путин, подрубающий демократию в России посредством ликвидации любых альтернативных центров власти, продвигает понятие «суверенной демократии», что фактически означает определение содержания демократии сувереном по собственному усмотрению. Когда в Бирме хунта устраивала облавы на протестующих монахов и силой подавляла инакомыслие, военные говорили о необходимости «дисциплинированной демократии». Китай уже давно отстаивает «социалистическую демократию», понимая под этим централизм сверху донизу, уничтожающий мнение меньшинства.

В Пакистане Мушарраф, оправдывая чрезвычайное положение интересами «подлинной демократии», говорил: «Мы хотим демократию, хотим права человека, хотим гражданские свободы, но мы идем к этому своим собственным путем». Ливийский лидер Муамар Каддафи с помощью понятия «демократии сопричастности» оправдывает ликвидацию независимых политических партий, поскольку народу не нужны посредники, раз люди непосредственно участвуют в управлении государством через организуемые этим государством собрания. Кубинская разновидность аналогичной модели предполагает предварительное утверждение кандидатов контролируемые государством общественными организациями, в то время как конституция жестко ограничивает любые политические организации за исключением Компартии.

## **Мошенничество на выборах**

Заурядное мошенничество на выборах – один из самых распространенных способов придать демократии нужную степень предсказуемости. Выше уже

говорилось о Казахстане, другими примерами последнего времени служат Нигерия и Чад.

В Нигерии, переживающей первую передачу власти от одного гражданского лидера другому с момента обретения независимости в 1960 г., правящая Народная демократическая партия прибегла к массовым подтасовкам, чтобы на апрельских президентских выборах 2007 г. обеспечить победу Умару Яр'Адуа – преемнику Олусегуна Обасанью. В попытке подправить собственную легитимность Яр'Адуа, надо отдать ему должное, начал избирательную реформу, позволил судам отменить победу его партии в нескольких штатах и пока не отказывается от судебной проверки его собственного небезупречного избрания. Однако за прямой вброс бюллетеней, скупку голосов и политические запугивания, на которых строились президентские «выборы», никто так и не был привлечен к уголовной ответственности, поэтому в Нигерии все меньше склонны верить в то, что реформаторская риторика нового президента обернется новой демократической реальностью.

В Чаде президент Идрисс Деби, захвативший власть в 1990 г., с помощью трех бутафорских президентских выборов придал своему режиму демократическую окраску. В 2005 г. он избавился от запрета баллотироваться на третий пятилетний срок, изменив конституцию на референдуме, который изобиловал нарушениями. Предвидя новые махинации, оппозиционные группы отказались выставлять своих кандидатов на президентских выборах 2006 г., предоставив Деби без труда обойти четырех других претендентов, из которых двое были действующими министрами. США и Евросоюз отказались направлять своих наблюдателей, выборы проходили на фоне низкой явки и сопровождались участием лиц, не достигших установленного возраста, и многократным голосованием.

### **Управление избирательным механизмом**

Будут ли выборы справедливыми, зависит от людей, которые их организуют, поэтому едва ли стоит удивляться тому, что одним из излюбленных среди правителей приемов манипулирования стало комплектование избирательного аппарата «надежными» людьми. В Азербайджане, где махинации на выборах уже давно являются хронической проблемой, правящая партия президента Ильхама

Алиева назначает председателя и контролирует большинство в избиркоме. В Зимбабве оппозиционные партии в избирком вообще не допускаются. В Таиланде новая конституция, принятая под диктовку военных, предусматривает отбор членов национального избиркома Сенатом, который ранее избирался, однако теперь назначается.

Пример Малайзии показывает, почему правительства стремятся получить контроль над избирательным механизмом. В этой стране избирательная комиссия, в которой доминировали верные правительству люди, блокировала попытки оппозиции исключить, как утверждалось, «мертвые души» из списков избирателей, положить конец массовой практике передачи неиспользованных бюллетеней работникам госсектора, а также открыть доступ в контролируемые государством СМИ для всех политических партий. Похожая ситуация в Камбодже, где контролируемая правящей Камбоджийской народной партией национальная избирательная комиссия достигла совершенства в «организации» выборов, попросту игнорируя заявления независимых наблюдателей или оппозиционных партий о случаях насилия, подтасовок или запугивания.

Из-за этих проблем национальные механизмы наблюдения за выборами зачастую дополняются международными, но и последние становятся объектом манипулирования со стороны тех, кто хочет сделать выборы управляемыми. На декабрьских парламентских выборах 2007 г. в России Кремль фактически блокировал приезд наблюдателей Бюро ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека – основного профильного механизма ОБСЕ, задержав выдачу виз, ограничив число наблюдателей и угрожая не дать ОБСЕ обнародовать заключение до тех пор, пока контролируемые государством СМИ не будут устойчиво сформировано общественное мнение об итогах голосования.

### **Недопущение оппозиционных кандидатов к участию в выборах**

Другим несложным способом обеспечить предсказуемость выборов является прямое или косвенное недопущение к участию в них оппозиционных кандидатов. В Иране эта практика доведена до совершенства: на парламентских выборах 2004 г. Совет стражей не утвердил почти половину кандидатов, как представляется, посчитав большинство из них чересчур реформистски настроенными. На Кубе подконтрольная Компартии Национальная ассамблея

имеет право блокировать любую кандидатуру на выборную должность. В Тунисе большинству реально оппозиционных партий не приходится рассчитывать на легальный статус. В Таиланде избирательная комиссия военного правительства ввела новые жесткие правила, позволяющие дисквалифицировать кандидата за такие несущественные нарушения, как музыкальное сопровождение митинга или несоответствие размера плакатов установленным нормативам. По-видимому, это было сделано с целью исключить участие в выборах кандидатов от Партии народовластия – преемницы партии «Тай Рак Тай» свергнутого премьера Таксина Чинавата.

Иногда применяются более жесткие меры. В 2005 г., за несколько месяцев до первых за 26 лет многопартийных парламентских и президентских выборов в Уганде, правительство по политически мотивированным обвинениям в измене и изнасиловании заключило под стражу ведущего оппозиционного кандидата в президенты Киззу Бесидже. Впоследствии его освободили, однако арест серьезно отбросил его назад, и в итоге он проиграл выборы президенту Йовери Мусевени. В Зимбабве правительство аналогичным образом «профилактировало» потенциальных соперников в марте 2007 г., когда полиция жестоко избивала лидера оппозиции Моргана Цвангираи и арестовала значительное число других оппозиционеров.

После смерти в декабре 2006 г. Сапармурата Ниязова, тиранически правившего на протяжении 21 года и фактически уничтожившего систему социального обеспечения, в Туркменистане у людей появился шанс на реальный выбор, однако вместо этого председатель парламента, который по конституции должен был стать и.о. президента, был отправлен за решетку по делу о доведении до попытки самоубийства, что открыло дорогу для передачи власти Гурбангулы Бердымухаммедову. Заведомо бесперспективными соперниками последнего на «альтернативных» выборах стали пять малозначимых кандидатов, представлявших единственную в стране политическую партию. Ни одному из лидеров оппозиции не позволили вернуться из эмиграции, чтобы выставить свою кандидатуру.

В других случаях оппозиционному кандидату позволяют баллотироваться, однако затем следуют репрессалии, призванные послужить уроком на будущее для

потенциальных соперников. В Белоруссии при президенте Александре Лукашенко оба оппозиционных кандидата на президентских выборах марта 2006 г. были арестованы, один из них отбывает пять с половиной лет за «хулиганство».

В 2005 г. в Египте аналогичным образом поступил президент Хосни Мубарак, когда США еще требовали от него демократизации. Он допустил соперников к участию в выборах, и главный из них – Айман Нур официально получил 7% голосов. Однако чтобы не создавать опасный прецедент и не допустить появления в будущем более сильного соперника, власти с помощью неправосудного процесса отправили его на пять лет за решетку по политически мотивированному делу о подделке документов.

История повторилась после заметного успеха на парламентских выборах 2005 г. «Братьев-мусульман» - ведущей оппозиционной силы. Свыше тысячи членов организации были задержаны, некоторые оставались под стражей до восьми месяцев. Правительство запретило политическую деятельность на религиозной основе, лишив «Братьев-мусульман» шансов на превращение в легальную политическую партию. Обсуждается также возможность упразднения независимых кандидатов, поскольку именно в таком формате члены «Братьев-мусульман» до последнего времени участвовали в выборах.

Израиль довел эту тактику до логического завершения, пойдя на арест уже победивших на выборах кандидатов. Обескураженные победой «Хамас» на парламентских выборах 2006 г., израильские власти арестовали вновь избранных законодателей, чтобы партия не смогла обеспечить кворум.

## **Политическое насилие**

Для придания демократии большей управляемости нередко применяется насилие. В Ливане неизвестными был уничтожен целый ряд представителей парламентского большинства, которое выступает против Сирии и проводников ее политики в самом Ливане. В России президент Чечни Рамзан Кадыров, «поставленный на республику» Кремлем, фактически располагает собственной безжалостной гвардией. В Камбодже Хун Сен, занимающий пост премьера с 1985 г., для подавления инакомыслия раз за разом прибегает к насилию на выборах, вплоть до убийства многих активистов оппозиционных партий, независимых

журналистов, правозащитников и профсоюзных лидеров. Эфиопские власти после неожиданных успехов оппозиции на выборах 2005 г. прибегли к силовому разгону мирных демонстраций и аресту большей части руководства оппозиции.

В Зимбабве, где президентские и парламентские выборы должны пройти в марте 2008 г., правительство предоставило молодежным отрядам и «ветеранам войны» полную свободу избивать, пытаться и насиловать представителей оппозиции, в то время как полиция разгоняет оппозиционные демонстрации с применением избыточной силы, иногда открывая огонь на поражение. В Демократической Республике Конго солдаты и полиция в ходе неоправданно жесткого подавления сопровождавшихся вспышками насилия протестов против избирательной коррупции в январе – феврале 2007 г. убили более 100 гражданских лиц. В Нигерии для ослабления оппозиции перед апрельскими выборами 2007 г. правящая партия задействовала секты, больше напоминающие банды. На парламентских выборах 2005 г. в Египте, когда предварительные опросы стали показывать нарастающее прохождение кандидатов, связанных с «Братьями-мусульманами», силы безопасности стали физически блокировать избирательные участки для доступа избирателей в районах с сильным влиянием этой организации. В ходе вспыхнувших столкновений было убито 11 человек, пытавшихся проголосовать.

## **Подавление СМИ**

Настоящие выборы невозможны без свободной прессы, которая могла бы ставить перед правительством вопросы и обеспечивать общественное обсуждение политических платформ соперничающих кандидатов. СМИ также играют важнейшую роль в озвучивании потребностей общества в период между выборами, поскольку однократное голосование раз в несколько лет – это слишком грубый и неэффективный способ заявить о том, чего хотят и чем недовольны люди. Поэтому неудивительно, что правительства, заинтересованные в управляемости демократического процесса, стремятся заставить прессу молчать.

Независимые СМИ были едва ли не первой мишенью российского президента Владимира Путина. Сегодня все основные телеканалы и радиостанции и большинство ведущих газет находятся в руках лояльных Кремлю людей.

«Зачистка информационного поля» была одним из главных инструментов Путина в борьбе за то, чтобы лишить оппозицию малейшего шанса бросить вызов его доминированию в политике, будь то на парламентских выборах декабря 2007 г. или на предстоящих в марте 2008 г. президентских выборах.

Президент Венесуэлы Уго Чавес с помощью произвольного использования регулирующих механизмов отказался продлить лицензию телеканалу RCTV – одному из четырех ведущих частных каналов и единственному с общенациональным охватом аудитории, осмелившемуся последовательно выступать против линии президента. В Зимбабве репрессивное законодательство о СМИ позволило властям в 2003 г. закрыть единственную независимую ежедневную газету – The Daily News.

В Египте журналисты и блоггеры могут угодить за решетку за критику президента Мубарака, «подрыв авторитета страны» или публикацию «ложных сведений ..., которые могут вызвать нарушение общественного порядка». В Азербайджане, чтобы заблокировать критику в адрес президента Алиева и его правительства, по меньшей мере 10 журналистов были осуждены к лишению свободы по различным надуманным делам, закрыта ведущая независимая газета. В Казахстане были закрыты телеканал и еженедельник, принадлежавшие опальному зятю президента, ставшему оппозиционером. В обеих странах имеет место практика использования норм об уголовной ответственности за клевету для лишения свободы критически настроенных журналистов по делам об «оскорблении чести и достоинства Президента». С 2002 г. в Казахстане в результате сомнительных «несчастных случаев» погибли по меньшей мере шесть журналистов.

### **Недопущение митингов оппозиции**

Массовые митинги служат одним способом общения кандидатов со своими сторонниками и демонстрации политической силы. Поскольку крупные митинги оппозиции могут опровергнуть заявления власти о наличии у нее широкой поддержки в обществе, они также нередко становятся объектом репрессий.

Так, в Малайзии, где без разрешения могут собираться не более пяти человек, полиция с применением водометов с реагентами и слезоточивого газа разогнала

организованный мирный марш под лозунгом требования избирательных реформ перед выборами, которые ожидаются в начале 2008 г. В России участников мирных политических акций избивали, задерживали и подвергали притеснениям; в частности в ноябре 2007 г. репрессалиям подвергся возглавляющий оппозицию экс-чемпион мира по шахматам Гарри Каспаров.

В Зимбабве в феврале 2007 г. вооруженный полицейский спецназ с применением слезоточивого газа разгонял политические митинги, в городах Хараре и Булавайо было арестовано более 70 сторонников оппозиции. После этого в Хараре были на три месяца запрещены любые политические митинги и демонстрации. К силовому разгону митингов прибегали также власти Египта и Демократической Республики Конго.

### **Ликвидация гражданского общества**

Для того чтобы демократия состоялась, необходимо наличие не только политических партий, но и широкого спектра ассоциаций и организаций, в рамках которых люди могли бы выражать свои политические предпочтения и доносить свой голос до власти и общества. Соответственно, такие гражданские группы привычно становятся еще одной мишенью для власти.

Так, в России вступление в силу в 2006 г. поправок в законодательство о неправительственных организациях послужило поводом для эскалации гонений. По новому законодательству НПО обязаны ежегодно отчитываться о своей деятельности и об использовании полученных из-за рубежа средств. В противном случае они могут быть ликвидированы, и такие случаи уже имеются. Наряду с этим проводятся обременительные проверки, а поправки 2007 г. в закон о борьбе с экстремизмом, позволяющие приравнять к нему совершение преступления по мотивам политической или идеологической ненависти или вражды и применить соответствующие жесткие санкции, вызывают обеспокоенность в связи с возможностью его использования для подавления инакомыслия.

В Туркменистане жесткие юридические ограничения на деятельность НПО включают необходимость регистрировать любой полученный грант, сообщать властям о любом мероприятии и допускать на него представителя государства. С



2003 г. зарегистрированы всего три независимые НПО, из которых лишь одна имеет отношение к правам человека или гражданскому контролю. В Узбекистане после андижанских событий 2005 г. за решеткой по политически мотивированным делам оказались по меньшей мере 17 правозащитников, десятки были вынуждены прекратить правозащитную деятельность или вообще уехать из страны, свернуть работу пришлось многим международным организациям. В Объединенных Арабских Эмиратах большинство гражданских организаций запрещены, а Палестинская национальная администрация в августе 2007 г. объявила о намерении закрыть 103 НПО по различным техническим основаниям.

В странах, где национальные спонсоры критически настроенных НПО рискуют впасть в немилость у власти, ограничение внешнего финансирования становится серьезным препятствием для организации гражданского общества. В Египте местная правозащитная группа, активно выступавшая против пыток, была закрыта по давней жалобе об использовании средств зарубежного донора без разрешения правительства. Иордания и Бахрейн рассматривают возможность принятия законодательства, вводящего разрешительный порядок получения иностранного финансирования. В Иране и Сирии такая норма уже введена, и повседневная деятельность гражданского общества полностью контролируется властями. Правительство Туниса блокирует получение грантов Евросоюза Тунисской лигой за права человека и другими независимыми организациями.

## **Поправление законности**

Большинство перечисленных выше методов подавления и манипулирования являются незаконными. Соответственно, практикующие их правительства должны избавляться от независимого правового контроля. В некоторых случаях, как в Зимбабве или Китае, это достигается с помощью нападений и арестов адвокатов. В других случаях применяется амнистия по всем видам преступлений. Так, Первез Мушарраф в Пакистане и военный режим в Таиланде продавили конституционные поправки, обеспечивающие им иммунитет от преследования за любые действия, совершенные в период военного переворота. Мушарраф к тому же отправил в отставку членов Верховного суда, которые собирались отказаться признать легитимность его избрания президентом, заменив их на верных людей, не замедливших подтвердить его полномочия.

## Пассивность международного сообщества

Использование всех этих приемов выхолащивания демократии происходит не в политическом вакууме. Правительства-нарушители могут быть заинтересованы в обеспечении собственной легитимности «за недорого», но это невозможно без согласия на такой ход со стороны других членов международного сообщества. В значительной степени шансы квазидемократов на успех определяются заниженной планкой требований со стороны развитых демократий.

Отчасти проблема заключается в конкурирующих интересах. Слишком легко потенциальные гаранты реальной демократии позволяют соображениям коммерческого порядка, вопросам доступа к ресурсам или борьбы с терроризмом возобладать над озабоченностями, связанными с практикой того или иного режима в области демократии. С другой стороны, присутствует и проблема собственной небезупречности. Выше уже говорилось, что даже вполне развитые демократии не склонны признавать весь комплекс прав, опасаясь, что в таком случае они и сами могут оказаться в числе нарушителей.

Ситуация осложняется традиционной непоследовательностью в продвижении демократических принципов. Так, сегодня американская администрация предпочитает оставлять резкую критику главным образом для давних противников или стран-изгоев, таких как Сирия, Бирма или Куба. Союзники вроде Саудовской Аравии, Туниса или Эфиопии практически получают индульгенцию, а на других, как в случае с Египтом или Иорданией, оказывается лишь краткосрочное давление. При этом нередко Вашингтон выступает одним из главных финансовых спонсоров таких своих союзников, закрывая глаза на репрессии. Столь явная политика двойных стандартов способствует формированию отношения к продвижению демократии скорее как к инструменту реализации текущих политических целей, что ослабляет эффективность требований реальной демократизации.

Характерным примером игры на таких двойных стандартах служит Эфиопия. Правительство Мелеса Зенауи арестовало тысячи участников демонстраций протеста против подтасовок на выборах 2005 г., 18 журналистам было предъявлено обвинение в государственной измене. Все это происходило на фоне более широких репрессий, включая пытки, задержания и запугивания людей,

которые считаются политическими противниками правительства; в последнее время власти также с исключительной жесткостью боролись с мятежниками в провинции Огаден и с исламистами в соседнем Сомали. При всем недовольстве США послевыборными репрессиями Эфиопия остается ключевым партнером Вашингтона в борьбе с терроризмом и крупнейшим получателем американской помощи в регионе южнее Сахары.

Эфиопия также является одним из основных африканских получателей европейской помощи. После выборов 2005 г. Евросоюз наряду со Всемирным банком и Великобританией частично заморозил прямые бюджетные субсидии, однако британская помощь в последнее время возросла.

Заниженная планка демократических ожиданий оборачивается выгодами и для Иордании. Не в последнюю очередь это связано с опасениями Вашингтона, что исламисты могут повторить в этой стране палестинский триумф «Хамас». С другой стороны, США, похоже, признательны иорданским властям за помощь в борьбе с терроризмом, в том числе в форме предоставления мест тайного содержания под стражей, где можно «обрабатывать» доставленных американцами подозреваемых. В связи с муниципальными выборами в июле 2007 г. сообщалось о массовых подтасовках, включая доставку солдат автобусами для голосования за кандидатов от власти в избирательных округах с преобладанием оппозиции, многократное голосование, махинации со списками избирателей. Однако и американский посол, и Конгресс США поздравили иорданцев с возможностью реализовать демократические права. Как утверждают, некоторые нарушения повторились и на парламентских выборах в ноябре, но Госдепартамент «воздал должное» правительству Иордании, «обеспечившему очередной шаг по пути политического развития страны». В частности, Госдепартамент отметил участие «независимых национальных наблюдателей», не упомянув о том, что власти не выполнили обещание допустить их на избирательные участки, в результате чего им пришлось наблюдать за происходящим с улицы.

Столь же беспринципно реагировал на выборы в Иордании и Евросоюз. Из Брюсселя не прозвучало никакого публичного протеста, хотя Иордания в рамках политики «Европейского соседства» подписала с ЕС соглашение об

ассоциированном членстве, «неотъемлемым элементом» которого должно, теоретически, быть уважение демократических принципов и основных прав и свобод. Такая ситуация отражает общую проблему «Европейского соседства», поскольку в отличие от удачных Копенгагенских критериев принятия в ЕС эта политика не предполагает каких-либо критериев или сроков и все чаще сводится к таким вопросам, как сотрудничество в области охраны границ и контроль миграции.

Такая беспринципная поддержка дает основания предполагать, что Вашингтон и - во многих случаях – Евросоюз будут с готовностью принимать демократический фасад, пока «победитель» остается стратегическим или торговым союзником. По-видимому, справедливость выборов и открытость избирательной кампании имеют меньший вес, чем политическая ориентация режима.

### **Ложный выбор: «Пусть сукин сын, но наш сукин сын»**

Пассивность международного реагирования на игры в демократию отчасти вызвана опасениями, что на смену тому или иному авторитарному режиму может прийти некто или нечто худшее. Особенно сильными такие опасения становятся по мере растущей политизации ислама, начиная с победы исламистов на парламентских выборах в Алжире в 1991 г. «Смышленные» диктаторы научились шантажировать этим международное сообщество, чтобы сохранять свою власть, однако нередко такая посылка оказывается ложной.

Так, в Египте Хосни Мубарак играет на опасениях Запада, что на любых честных выборах в стране неизбежна победа исламистов. В качестве доказательства он может сослаться на парламентские выборы 2005 г., когда кандидаты, за которыми стояли «Братья-мусульмане», получили большинство мест из тех, на которые баллотировались. Популярность «Братьев-мусульман» не вызывает сомнений, однако в какой-то мере она является следствием узости выбора. За 30 лет египетские власти отказали в регистрации более чем 60 политическим партиям, зарегистрировав всего две, из которых одной регистрацией была впоследствии приостановлена. Многие из этих партий могли бы стать площадкой для мобилизации светской оппозиции.

«Братья-мусульмане», даже оставаясь под запретом в качестве политической партии, смогли создать себе базу, занимаясь социальными вопросами и позиционировав себя как принципиальных противников коррупции. Поэтому сегодня, когда гражданин Египта попытается подыскать альтернативу Мубараку и его Национальной демократической партии, единственным реальным вариантом оказываются «Братья-мусульмане». Такая ситуация на руку и самому Мубараку, поскольку позволяет ему с большей уверенностью рассчитывать на западное попустительское отношение к его манипулированию выборами. После впечатляющих результатов «Братьев-мусульман» в 2005 г. американские требования демократизации практически сошли на нет.

В Пакистане аналогичную комбинацию разыгрывал Первез Мушарраф, оправдывая чрезвычайное положение как единственную альтернативу приходу к власти «Аль-Каиды» и исламских экстремистов. Запад принял это и даже поддержал «зачистку политического пространства» как умеренный курс и шаг на пути к демократии. Никто не вспомнил о том, что исторически пакистанцы голосуют за центристские политические партии, пусть часто коррумпированные и слабые, что исламисты на состязательных национальных выборах никогда не получали больше 11% голосов, что конфронтация Мушаррафа с умеренным центром заставила его искать союзников среди исламистов и усилила позиции последних и что отсутствие возможностей мирной политической эволюции при военном режиме способствует росту рядов сторонников исламских радикалов.

Характерной была непоследовательность, с которой на введение Мушаррафом чрезвычайного положения реагировала администрация Буша. С одной стороны, замгоссекретаря Джон Негропonte отправился в Исламабад, чтобы добиваться отмены чрезвычайного положения и освобождения тысяч задержанных политических активистов. Он даже вполне справедливо указал на то, что «чрезвычайное положение несовместимо со свободными, справедливыми и вызывающими доверие выборами». «Снять форму» призвал Мушаррафа и сам президент Буш.

Однако на момент подготовки этого материала Вашингтон так и не предложил Мушаррафу восстановить в должности тех судей Верховного суда, которых он заменил послушными лоялистами, благословившими его на новый

президентский срок еще до ухода с поста главкома. В полном объеме сохранялась и массированная американская военная помощь. Из этого следовало, что в стремлении не подвергать риску положение своего союзника по борьбе с терроризмом Вашингтон готов согласиться с демократией без законности. Было также похоже, что администрация хотела, чтобы суды перестали освобождать подозреваемых, сгинувших в застенках пакистанской Межведомственной разведки (ISI), к услугам которой прибегало и само американское правительство.

Как представляется, страх перед нарастанием воинствующего ислама определяет и неоднозначное международное реагирование на события в Бангладеш. Поначалу международное сообщество занимало довольно принципиальную демократическую позицию. ООН и Евросоюз сочли назначенные на январь 2007 г. выборы заведомо сомнительными, чтобы направлять на них наблюдателей, способствовав тем самым их переносу. Однако переходное правительство, призванное обеспечить свободный и справедливый характер выборов, вместо этого ввело чрезвычайное положение и стало инструментом фактического военного правления, что сопровождалось многочисленными произвольными арестами и случаями безнаказанных пыток и казней задержанных силами безопасности. США, Великобритания и Индия выражали обеспокоенность низким темпом подготовки к выборам, но не ситуацией с правами человека. Не последовало с их стороны и призывов к военным вернуть гражданскому правительству всю полноту власти. При этом несколько более прямой была позиция Евросоюза, который предоставляет финансовую помощь на цели совершенствования государственного управления и содействия правам человека.

Такое попустительство авторитарным режимам порой объясняют патерналистскими сентенциями о том, что народы этих стран – как правило, мусульмане и/или арабы – «не готовы» к демократии, что в таких обществах слишком велики риски, чтобы даровать им ту же степень свободы и самоуправления, к которой стремятся люди во всем мире. Другими словами, западные правительства в таких случаях сетуют на отсутствие достойной поддержки оппозиции. Однако такая якобы неготовность и отсутствие политической альтернативы – всего лишь следствие извращенной ситуации,

искусственно создаваемой руководством той или иной страны при попустительстве Запада. Все репрессии псевдodemократических режимов направлены на то, чтобы не допустить появления реальной оппозиции. В случае с Саудовской Аравией ссылки на неготовность используются ее собственным правительством, пытающимся уклониться от выборов. Аналогичная позиция озвучивалась и Первезом Мушаррафом, который обвинял Запад в «абстрактном навязчивом увлечении своей формой демократии, своими правами человека и гражданскими свободами..., на которые вам потребовались века, но которые вы хотите, чтобы мы восприняли за месяцы... Так не бывает».

Непринятие такой логики не означает другую крайность - что решением являются немедленные и полностью свободные выборы. Экстремизм, успешно набирающий силу в условиях политических ограничений, точно так же может одержать верх и на внезапно объявляемых в условиях таких ограничений выборах. Необходим более квалифицированный подход, который подталкивал бы авторитарный режим к заблаговременному формированию политических альтернатив, иными словами – соблюдение набора основных политических прав должно быть важнее собственно голосования. Вместо того чтобы принимать навязываемый тем или иным диктатором узкий выбор в качестве единственно возможного, сторонники демократии должны добиваться трансформации политического пейзажа, чтобы у избирателя была возможность выбора в пределах содержательного спектра политических сил. Именно такой подлинный выбор способен стать преградой экстремизму.

### **Ставка на «демократа» в ущерб демократическим принципам**

Одной из распространенных ошибок является поддержка конкретного якобы «демократа», но не принципов прав человека, без которых не может быть содержательной демократии. Складывается впечатление, что развитые демократии все чаще предпочитают делать ставку не на институты, а на конкретную личность, рассчитывая на то, что народу будет вполне достаточно появления лидера с демократической риторикой, хотя первое правило демократии гласит, что неограниченная власть склонна к превращению в тиранию. Такой подход явно определял политику Запада в Пакистане, но также заметно присутствовал в его реагировании на ситуацию в таких несопоставимых странах, как Россия, Нигерия и Грузия.

Широко известна история отношений Буша с Путиным, которому тот в 2001 г. «посмотрел в глаза и увидел его душу». После этого российский лидер последовательно подчинил себе едва ли не все значимые альтернативные центры влияния внутри страны: Думу, региональных губернаторов, прессу, НПО и даже олигархов. Вашингтон в итоге все же отреагировал, но возможность с самого начала выстроить отношения с Россией не на личных симпатиях, а на принципах была упущена.

Позиция Германии, традиционно определяющей основной вектор европейской политики в отношении России, в 2007 г. была неоднозначной. Канцлер Ангела Меркель – возможно в силу того, что она выросла на Востоке при коммунистическом режиме, - в меньшей степени склонна смотреть на Путина сквозь розовые очки, чем ее меркантильный предшественник Герхард Шредер. Она несколько раз поднимала вопрос о тревожных тенденциях в России, а во время своего первого визита в Москву в 2006 г. настояла на встрече с правозащитными НПО. Все это позволяло рассчитывать на то, что Германия повысит статус вопросов прав человека в период своего председательства в Евросоюзе в первой половине 2007 г. На деле же права человека по-прежнему обсуждались лишь на консультациях второстепенного уровня. На саммите ЕС-Россия в мае 2007 г., когда в России разгоняли «марши несогласных», Ангела Меркель все же говорила о правах человека, но при следующем – португальском председательстве это не получило развития, а разговоры о правах человека стали считаться «поучениями».

США, Великобритания и Евросоюз не пошли на компромисс в отношении откровенных подтасовок, которыми сопровождались президентские и парламентские выборы в Нигерии в апреле 2007 г., но все они демонстрировали готовность сотрудничать с президентом Умару Яр’Адуа благодаря его реформистской риторике, хотя обстоятельства его избрания стали куда более мощным прецедентом, чем его красивые слова. К тому же при всех его обещаниях реформ ни один человек не был привлечен к уголовной ответственности за подтасовки и политическое насилие на выборах. В очередной раз возникает впечатление, что прозападному лидеру достаточно даже самых сомнительных выборов, чтобы обеспечить себе легитимность.



В Грузии на волне «революции роз» к власти пришло правительство с решительным настроем на поддержку демократических принципов и активного гражданского общества. Однако в последующие годы наблюдалось сохранение серьезных проблем с правами человека, особенно в системе уголовной юстиции. Тем не менее международные организации и правительства западных стран, в первую очередь США, отмахивались от настойчивой критики, предпочитая верить в добрые намерения возвращенного ими же союзника - президента Михаила Саакашвили. Опасность безоглядной ставки на личность стала очевидной, когда в ноябре 2007 г. грузинские власти развязали силовые репрессии против участников акций протеста и на девять дней ввели чрезвычайное положение.

Выше уже отмечалось, что этот подход доминировал и в американской политике в отношении Пакистана. Администрация Буша не только «проглотила» разгон Мушаррафом Верховного суда, но и приложила все усилия, чтобы согласовать его сделку со своим ставленником на пост премьера – Беназир Бхутто, обеспечив условия для ее возвращения в Пакистан из эмиграции. Однако в сентябре, когда Мушарраф заблокировал первую попытку возвращения из эмиграции главного гражданского соперника Бхутто – другого экс-премьера Наваза Шарифа, представитель Госдепартамента ограничился заявлением о том, что это «целиком и полностью вопрос самого Пакистана».

## **Обманутая Турция**

Турция, пожалуй, стала самой серьезной проверкой европейской приверженности демократии и правам человека. Евросоюз, в принципе, готов принять Турцию в свой состав – что само по себе является шагом исключительной важности – при условии выполнения Анкарой Копенгагенских критериев. Однако ведущие европейские лидеры, в первую очередь канцлер Германии Ангела Меркель и президент Франции Николя Саркози, открыто высказываются против членства Турции в ЕС. По мере того как перспектива вступления Турции начинает казаться все более призрачной, Евросоюз утрачивает возможности влияния на ситуацию и подрывает авторитет тех турецких политиков, которые выступали за реформы ради членства. Неудивительно, что военные в очередной раз стали вмешиваться в государственные дела, вплоть до того, чтобы противодействовать президентской кандидатуре Абдуллы Гюля. Заслуга в том что гражданским политическим

структурам удалось отразить это давление, принадлежит прежде всего турецкому народу, а отнюдь не Евросоюзу с его ускользающими обещаниями членства для демократической Турции, в которой уважались бы права и свободы.

## **Заключение**

Признание даже диктаторами того обстоятельства, что без демократии не может быть легитимности, дает основания для определенного оптимизма. Сложившаяся в мире общепринятая система ценностей исходит из того, что носителем суверенитета является народ и что в конечном счете именно народу принадлежит последнее слово в вопросах власти. Однако эта позиция остается еще достаточно хрупкой, а ее содержание в значительной степени зависит от принципиальности развитых демократий. Признавая любого диктатора, прикрывающегося избирательными декорациями, и позволяя интересам контроля над ресурсами, бизнеса или сиюминутной безопасности брать верх над принципами, они девальвируют концепцию демократии. С другой стороны, когда диктатор может безнаказанно рядиться в демократа, он получает возможность «закрыть вопрос» о правах человека. Пора прекратить торговать демократическими индульгенциями за бесценок и перейти к более широкой и содержательной концепции демократии, которая включала бы в себя весь комплекс прав и свобод.

## **Несколько слов об этом докладе**

Настоящий доклад Хьюман Райтс Вотч – это уже 18-й ежегодный обзор ситуации с правами человека в мире. В нем кратко освещается положение в более чем 75 странах по состоянию на ноябрь 2007 г. включительно.

По каждой стране обозначаются основные проблемы, оценивается степень свободы для правозащитников, анализируется реагирование со стороны ведущих международных игроков – ООН, Евросоюза, Японии, США, различных региональных и международных организаций и институтов.

В докладе отражены итоги как широкой исследовательской работы, проводившейся Хьюман Райтс Вотч в 2007 г., обычно в тесном сотрудничестве с местными правозащитниками, так и нашей деятельности по продвижению прав

человека, в рамках которой мы отслеживаем эволюцию политики и стремимся убеждать правительства и международные организации бороться с нарушениями и содействовать соблюдению прав и свобод. По многим вопросам в течение года нами публиковались более подробные материалы, ознакомиться с которыми можно на нашем сайте [www.hrw.org](http://www.hrw.org).

Как и в прошлые годы, доклад не охватывает все страны, по которым работает Хьюман Райтс Вотч, и все проблемы, заслуживающие внимания. В большинстве случаев это связано исключительно с ограниченностью наших человеческих возможностей и никак не соотносится с важностью той или иной проблемы. Остается еще множество серьезных нарушений, на которые мы попросту не успеваем реагировать.

При определении приоритетов работы в 2007 г. (и, соответственно, содержания настоящего доклада) мы исходили из массовости и серьезности нарушений, доступности страны для исследований и наличия информации о ней, шансов повлиять на действия нарушителей, важности обращения к тем или иным тематическим направлениям, а также из необходимости поддержки местных правозащитных организаций.

Материалы по тематическим направлениям не представлены отдельно, а включены непосредственно в страновые обзоры. Подробнее с нашей работой по отдельным проблемам можно ознакомиться на сайте, где имеются разделы по таким направлениям, как права детей, права женщин, оружие и вооруженные силы, бизнес и права человека, ВИЧ/СПИД и права человека, международная юстиция, борьба с терроризмом, беженцы и вынужденные переселенцы, права лесбиянок, гомосексуалистов, бисексуалов и трансгендеров, наши международные кинофестивали.